

УДК 94(436)

UDC

DOI: 10.17223/23451734/6/5

ЧЕРВОНОРУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ

А.С. Будилович

Резюме

В статье А.С. Будилович анализирует причины червонорусской (русинской) эмиграции. Червонорусскими областями Австро-Венгрии ученый считал Восточную и Среднюю Галичину, Северную Буковину и Восточную Венгрию. А. Будилович полагал, что эмиграцию породили серьезные внутренние проблемы Австро-Венгрии. Среди них – национальный гнет со стороны поляков и мадьяров.

Ключевые слова: А.С. Будилович, Галиция, русины, Австро-Венгрия, эмиграция.

THE RED RUSSIAN EMIGRATION

A.S. Budilovich

Abstract

In the article A.S. Budilovich analyzes the reasons for Red Russian (Rusin) Emigration. The scholar considered Eastern and Central Galicia, Northern Bukovina and Eastern Hungary as Red Russian Provinces of Austro-Hungary. A. Budilovich supposed that serious Austro-Hungarian internal problems were the stimulus for the emigration. Among them - the national oppression from the side of the Poles and Magyars.

Keywords: A.S. Budilovich, Galicia, Rusins, Austro-Hungary, Emigration.

Червонорусские области Австро-Угрии, а именно Восточная и Средняя Галичина, Северная Буковина и Восточная Угория, как тысяч лет тому назад, так и теперь заселены сплошь ветвями восточного славянства и составляют как бы западный форпост русского народа. Насколько запомнит история, там никогда и не было других, старших туземцев, так что червонорусы или – как немцы, а за ними и наши западники любят выражаться – «рутены», «русины» составляют автохтонное население названных областей. Потому-то средняя часть большой Карпатской дуги, составляющая как бы позвоночный столб червонорусской народности, издревле называется в географической литературе «рускими горами, русскими Карпатами», в народных же говорах – Бескидами.

Но в древнее время это русское Подкарпатье шло гораздо далее нынешнего и на север, и на юг, и на запад, упираясь в спишские Татры с одной стороны, а в семиградские Альпы - с другой; в долине же угорской русские поселения забежали некогда далеко за Тису, которая в своем верхнем и среднем течении была рекой сплошь червонорусской. То же следует сказать о большей части ее притоков, в том числе и некоторых семиградских. Этой обширностью червонорусской территории, а также ее счастливым положением и богатством объясняется в значительной мере историческая роль червонорусских князей XII-XIII вв., в таких поэтических красках обрисованная и певцом «Слова о полку Игореве», который сам происходит, кажется, из Галицко-Волынской области.

И после падения своей независимости Червонная Русь, разделенная с XIV в. между Польшей и Угрией, след., как бы рассеченная пополам, все еще продолжала быть важным фактором в политических событиях Востока, определяя собою до некоторой степени величие Польши в 15-16 вв., а также значение Угрии при Людовике В., Гуниаде и Корвине, а позже воеводства Трансильвании с Восточной Угрией и Молдавии с Валахией. Даже в последнее столетие, по воссоединении всех под Габсбургами, червонорусские полки наряду с сербско-границарскими всегда считались ядром австро-угорских армий, самой стойкой их частью. В области же литературной не червонорусы ли произвели лучшую из древнерусских летописей – Галицко-Волынскую? Не они ли дали нам св. Петра и целый ряд знаменитых богословов-полемистов XVI-XVII вв.? Да и в нынешнем веке из червонорусов вышло, при самых неблагоприятных условиях, немало замечательных ученых, писателей, деятелей, напр. наших Балудьянского, Орлая, Кукольника, Венелина, Головацкого, затем Снегурского, Зубрицкого, Малиновского, Яхимовича, Петрушевича, Федьковича, Наумовича, А. И. Добрянского и мн. др.! А сколько крупных талантов дала Червонная Русь полякам и в «золотой» сигизмундовский период, и в ближайшее к нам время! Да и мадьярский диктатор Кошут был собственно земплинец, след., происхождения угрорусского. Но всего замечательнее нынешняя духовная пробужденность червонорусского простонародья, особенно в Галичине, где оно в последнее десятилетие устроило целые тысячи читален, сотни обществ народной торговли, трезвости, десятки веч и раскупает по 5-6000 экз. изданий Общества Качковского, отчасти и «Просветы», поддерживая в то же время полдюжины газеток политического, религиозного и хозяйственного содержания. Если вспомнить, что число русских галичан определяется в 3 с небольшим мил. д., след., лишь немногим больше населения, положим, Волынской

губ., то нельзя не признать преимуществ крестьянина галицкого перед нашим по степени духовной пробужденности. Конечно, это объясняется самой трудностью общественно-экономических и народно-культурных условий жизни русского галичанина в сравнении с нашим подолянином или украинцем; но, во всяком случае, это служит новым доказательством редкой даровитости червонорусского населения и его прав на лучшую будущность.

Красота подкарпатской природы, относительное богатство ее и обычная консервативность характера и жизни горцев служат достаточным объяснением любви червонорусов к своей родине, в чем они нимало не уступают ни тирольцам, ни швейцарцам. Если поэтому червонорусскому крестьянину и приходилось оставлять иной раз свою страну для заработков, спускаясь, напр., на косьбу и жатву в долины мадьярского и румынского Потисья или мазовецкого Повислия, то подобные отлучки на отхожие промыслы длились обыкновенно лишь несколько летних месяцев, след., не разрывали связей населения с их родиной. Даже те спишские и шарышские коробейники, которые, подобно словакам турчанским, оравским и тренчинским, на более продолжительное время удалялись в Польшу, Западную Русь и др. смежные страны для продажи корзин, мышеловок и др. своих изделий, не могли еще называться эмигрантами, а лишь ходебщиками, которые непременно возвращаются домой, в свои насиженные гнезда, к своим оставленным семьям.

Так оно было издревле, в течение многих веков. Но в последнее 25-летие, со времени введения пресловутого дуализма и отдачи Руси Галицкой в кабалу полякам, а Закарпатской - мадьярам, червонорусские хождения мало-помалу начинают изменять свой характер: вместо смежных европейских стран они направляются теперь главным образом в Америку, причем постепенно теряют значение отхожих промыслов и перерождаются в настоящую эмиграцию. В Североамериканских штатах уже теперь насчитывают более 150 000 червонорусских рабочих, которые заняты главным образом в каменноугольных копях и составляют не один десяток приходов, имеющих свои церкви, причты и до некоторой степени оседлость в этих заокеанских колониях. Правда, большинство этих эмигрантов еще поддерживают связи с оставленной родиной и родными; многие посещают их хоть через несколько лет или и совсем возвращаются в свои прежние села, к своим семьям, выкупают свои заложенные евреям участки и возобновляют на них прежнее хозяйство. Но многие совершенно ликвидируют на родине дела, забирают с собой семьи и навсегда переселяются в Пенсильванию и другие штаты Северной Америки.

Но это эмигранты из гор, следовательно, местностей относительно глухих, недоступных для экономических улучшений, отсталых по условиям хозяйственной обработки и вообще жизни.

Но с лета нынешнего года началось еще более замечательное эмиграционное движение червонорусов из галицкого Подолья (округи Скалатский, Збаражский и смежные с ними), следовательно, из местности, которая доныне считалась как бы житницей Галичины и занимает в ней чуть ли не первое место по плодородности своей черноземной почвы. И вот эти подоляне целыми тысячами распродают свои дедовские поля и усадьбы, забирают жен и детей и вопреки всем отговорам местной интеллигенции и даже противодействию властей бегут через границу, в соседнюю Волынь и наше Подолье. Это уже не отхожие промыслы, не единичное выселение, а настоящая народная эмиграция, подобная ирландской в Америку или боснийской в Турцию.

Спрашивается, чем вызвано это выселение червонорусов, с одной стороны, из Подбескидья за океан, в Америку, с другой же – из галицкого Подолья в пограничные уезды Юго-Западной России?

В ответе на этот вопрос одни утверждают, что червонорусская эмиграция, подобно словенской из северных комитатов Угрии или польской из Западной Галичины и некоторых губерний Царства Польского, особенно Плоцкой и Ломжинской, вызвана исключительно искусственной агитацией еврейских агентов, состоящих на службе гамбургских и бременских судовладельцев, или даже североамериканских и бразильских спекулянтов и плантаторов, рассчитывающих иметь в русских, словенских и польских эмигрантах дешевую рабочую силу, как бы второе издание африканских рабов-негров. В подтверждение ссылаются на Вадовицкий процесс в Галичине против подобных агентов, окончившийся осуждением многих из них в Вадовицах, Осветиме, Беле и др. пограничных городках Галичины и Силезии. Нельзя отрицать, что некоторое число подкарпатских эмигрантов могло быть сбито с толку подобными еврейскими факторами, которые спекулировали при этом и на дешевую покупку движимого и недвижимого имущества эмигрантов при ликвидации ими дел на родине. Но почему же подобного рода еврейская спекуляция встретила наименьший отпор именно в среде подкарпатских славян, а не в других областях Австро-Угрии или Германии? Очевидно, в местных условиях жизни червонорусов, словаков и даже галицких мазуров были и есть какие-то условия, благоприятствующие спекулянтам эмиграции.

Другие объясняли ее непоседливым характером подкарпатских славян, их исконной страстью к отхожим промыслам и легкомы-

сленною погоней за легкой наживой. В самом деле, подкарпатские горали или горцы червонорусского, словенского и польского происхождения, как выше упомянуто, издревле занимались коробейничеством и ходили на заработки в долины; но, во-первых, это можно сказать лишь о собственных подкарпатских горцах, населяющих не более восьмой-девятой части той подкарпатской территории, которая охвачена теперь эмиграционным движением; во-вторых, характер этих старых временных хождений существенно разнился от нынешних переселений – навсегда. К тому же подкарпатские эмигранты и в Америке, и в России вовсе не избегают тяжелых работ, а, наоборот, ищут их. Так, в С. Америке они в большинстве занимаются в рудниках, следовательно, самым тяжелым видом промышленного труда, на который у нас, напр., осуждаются каторжники. Можно ли назвать подобный заработок легкой наживой!

Были и такие голоса, которые вменяли червонорусскую эмиграцию в вину местным панславистам или панрусистам из школы Наумовича в Галичине и Добрянского в Угрии. Цель этих агитаторов состояла-де в том, чтобы сделать неприятность польскому и мадыарскому правительствам и обществам, ослабить рабочие силы этих областей и между прочим – военные контингенты Австро-Угрии в самых важных пограничных ее краях. В доказательство указывают между прочим на то, что эмиграция всего сильнее из тех именно уездов Угрии и Галичины, которые были средоточием якобы агитационной деятельности коноводов австро-угорского панславизма.

На это мы можем возразить, что, с точки зрения панславистов или панрусистов, если таковые вообще имеются в Австро-Угрии, гораздо желательнее бы усиливать славянское население Подкарпатья, особенно его русскую и словенскую части, чем ослаблять это население эмиграцией, да и вдобавок еще в Америку, в добычу англо-американской народности. Панслависты при желании насолить полякам, мадыарам или центральному правительству, вероятно, нашли бы более дешевый к тому способ, чем растрата лучших славянских сил за океаном. Да и эмиграция в Россию не могла бы не казаться им крупной стратегической ошибкой, именно ослаблением и без того слабого авангарда для усиления и так уже достаточно сильного центра или резервов.

Высказана была, наконец, догадка, что последний фазис червонорусской эмиграции, именно передвижение галицких подолян на Воынь и в Украину, вызван был нарочно польскими чиновниками и помещиками Галичины перед ожидавшимся приездом во Львов императора, в видах еще более усилить недоверие последнего к лояльности его русских подданных и на таком фоне ярче выставить

свою польскую верность Габсбургам, чтобы этим способом выторговать какую-нибудь новую льготу для полонизма за счет дискредитированных червонорусов.

Но и это догадка кажется нам маловероятной. Во-первых, подобного рода эксперименты не лишены своей опасной стороны, как игра с огнем или ветром, который мог бы, наконец, вырваться из рук польских заправил и разрастись в опасную для них бурю. Во-вторых, поляки так уже много получили от Габсбургов, именно за счет червонорусов, что вряд ли остается уже что-нибудь существенное у последних для передачи полякам. Наконец, если бы поляки инсценировали всю эту подольскую эмиграцию в виде политического фона для львовских иллюминаций, то вряд ли они сами так испугались бы потом этого движения, которое было, кажется, главным поводом и отмены предположенного посещения Львова императором Иосифом.

Но если это так, то что же остается нам думать о причинах, вызвавших и поддерживающих червонорусскую эмиграцию в Новый Свет и Россию? А то, что это движение в основе своей вовсе не искусственно и не случайно, а, наоборот, совершенно естественно и даже неизбежно при нынешних условиях червонорусской жизни. Уже одно то, что начало рассматриваемого народного движения совпало со введением в Австро-Угрию дуализма, и что движение это постепенно возрастает с укреплением и развитием этого нового строя в империи Габсбургов, указывает на существование причинной связи между этим строем и эмиграцией. Да иначе и быть не могло: дуализм привел ведь к постепенному порабощению червонорусов галицких поляками, а закарпатских или угорских - мадьярами, след., создал новый период рабства, притом самой тяжелой его формы. В самом деле, что значит рабство, напр., восточное, состоящее в подчинении миллионов одному богдыхану, шаху или султану, либо даже рабство западное в средневековой его форме, где над массами воцарилась олигархия сословная в числе нескольких десятков, сотен или тысяч лиц и родов, что значат такие формы деспотии или олигархии в сравнении с новейшей формой – рабства народного, где количество привилегированных существ определяется уже не тысячами, а миллионами, напр. восходит в Галичине до $2\frac{1}{2}$ мил. (поляков), а в Угрии - до 4 мил. (мадьяр)! Понятно, что такая тяжесть над головой, на шее, на плечах порабощенного народа должна давить его до смерти, по крайней мере до отчаяния и бегства куда-нибудь подальше, за море, за кордон! Механическая тяжесть такого инородческого ига тем чувствительнее и невыносимее, что оно не обусловлено ни завоеванием, ни духовным перевесом, ни

памятью о заслугах – личных или наследственных, а единственно придворными интригами и парламентскими фокусами, как это имеет место в Австрии и Угрии.

В самом деле, когда завоевали поляки Русь Червонную или мадьяры – Угорскую? Кто может доказать, что духовные дарования, умственная производительность, нравственная сила и культурные основы народности польской или мадьярской выше, чем духовная сила и мощь народа русского? Где в преданиях червонорусского народа те благодеяния или милости, которыми наделили их поляки или мадьяры, и за которые галичане или угорорусы должны теперь расплачиваться с благодетелями ценой своей свободы, своей человеческой и народной личности? Разве поляки или мадьяры просветили червонорусов христианством? Разве они создали первые червонорусские княжества, доставили народу начала государственного строя и гражданского развития? Разве они освободили Подкарпатскую Русь от монголов или турок? Они ли положили основу червонорусской письменности, грамотности, образования? Скорее наоборот, поляки и мадьяры позаимствовались этим у русских и, несмотря на то, не переставали издревле наносить тяжелые удары и червонорусской церкви, и государственности, и образованности. Ужели теперь эта разрушительная деятельность должна быть вменена червонорусами в заслугу полякам и мадьярам и оплачена вечным порабощением? Правда, поляки и мадьяры величают себя авангардом Западной Европы, *antemurale Christianitatis*, или, вернее, *Latinitatis*, носителями западной образованности в среду восточных народов вообще, а червонорусского в частности. Но если бы даже Червонная Русь была убеждена, что эта западная образованность, безусловно, выше восточной и для нее пригоднее последней, то и в таком случае было бы неясно, почему же червонорусы должны подчиняться служебным орудиям Запада, а не действительным его господам, народам романским и германским? Почему бы им предпочитать бледную польско-мадьярскую копию западной образованности ярким ее оригиналам – в Италии, Франции, Германии? Ужели червонорус не может изучать латинской или немецкой книги иначе, как в мадьярском или польском переводах?

Но нравственная унижительность подчинения сынов великого русского народа столь слабым и несамостоятельным историческим деятелям, как поляки или мадьяры, составляет далеко не единственный источник огорчений и бедствий нынешнего червоноруса. Дело в том, что поляки и мадьяры не удовлетворились теоритическим признанием первенства их народностей перед русской и всеми другими в Галичине или Угрии, а постарались и сумели извлечь для

себя из этой государственной теории громадные выгоды в областях политической, экономической, церковной, школьной - словом, во всех сферах физической и духовной жизни. И кто же оказался плательщиком за эти польские и мадьярские привилегии? Конечно, непривилегированные или поработанные народности Галичины и Угрии, главным же образом, червонорусы.

Прежде всего они были исключены из представительных собраний Цислейтании и Транслейтании посредством искусственной системы выборов, дающей все преимущества высшим слоям населения перед низшими, след., ополяченным и омадьяренным, перед чисто русскими в Подкарпатье. Где же оставался еще у червонорусов интеллигентный патриот, не изменявший своему народу и церкви, там на выборах пускаемы были в ход подкупы, давление чиновников и даже военная сила, чтобы не допустить подобного «панслависта» в сейм или центральные парламенты. Этим способом полумиллионная Русь Угорская вовсе лишена теперь представительства в будапештском сейме, трехмиллионная же Русь Галицкая если и имеет еще в львовском сейме и венском рейхсрате по несколько депутатов, то, во-первых, они принадлежат главным образом к полякующей младорусской партии, во-вторых, так малочисленны и настолько зависимы от польской администрации и своей запуганной иерархии, что не в состоянии ничего сделать в пользу народа ни в Львове, ни в Вене. Даже в Буковине, где громадное большинство населения принадлежит к русской народности на севере, а румынской - на юге, и лишь самый незначительный процент его приходится на долю немцев (вернее, евреев) и поляков, последние сумели уже втереться в черновецкий сейм, подчинить себе младорусских мамелюков и таким образом начали готовить «польское крулевство» в долинах Прута и Серета. Четверть века тому назад червонорусский народ имел еще в парламентах Угрии и Австрии таких представителей, как А. И. Добрянский, Петрушевич, Наумович, Ковальский, Геровский, Кулачковский и др. Теперь там заседают только гг. Романчук да Барвинский с 2-3 безгласными товарищами из полякующих. Даже во львовском сейме чуть ли не один профессор Антонович поддерживает еще достоинство червонорусского правительства. Таким образом, четырехмиллионный червонорусский народ, составляющий более 10 % населения империи, след., уступающий в многочисленности лишь немцам и чехославянам, равный по числу с мадьярами и значительно превышающий число поляков, вовсе лишен участия в представительном правлении, которое между тем кичится мнимым равенством прав и обязанностей каждого австро-угорского гражданина. Червонорус не может воспользоваться пар-

ламентской трибуной хотя бы для того, чтобы заявить свой протест против этой фиктивной равноправности и с достоинством выйти из «совета нечестивых» - верховодов из немцев и евреев, поляков да мадьяр. Наоборот, он должен перенести унижение – слышать с этой трибуны от своего имени речи якобы русских депутатов польского либо мадьярского происхождения или воспитания, всего же чаще – продажных ренегатов, которые выставляют перед немцами и евреями напоказ свое презрение ко всему русскому и славянскому, имея при этом бесстыдство именовать себя русскими или, положим, рутенскими, русинскими депутатами.

Удивительно ли, что при таком представительстве австро-угорское законодательство менее всего озабочено охраной прав и интересов червонорусских населений, а скорее наоборот, считает эти интересы самым удобным объектом парламентской спекуляции и отдачи на откуп тому, кто в данный момент более нужен правительству или верховодействующей партии! Такими откупщиками и оказалась на этот раз польская шляхта и ксендзы в Галичине, а мадьярские немешы, мадьярский интеллигентный пролетариат в Угрии. В руки этих откупщиков и перешли постепенно не только все почти червонорусские мандаты в сеймах, но также все почти административные посты в областях червонорусских, за исключением самых низких либо таких, которые требуют принадлежности к греко-униатской церкви, напр., по духовной службе. И в судебном ведомстве червонорусы были постепенно отодвинуты на задний план или, по крайней мере, удалены где-нибудь «на мазуры», в Вену, Инсбрук, чтобы лишить их возможности действовать в пользу соплеменников. Даже в области частной службы, напр., в железнодорожном ведомстве, общественных банках, управлении санитарном и т. п. червонорусы были вытеснены то поляками, то мадьярами, а нередко и евреями, так что для них осталась чуть ли не одна адвокатура да частная медицинская практика наряду с «душпастьством», низшим учительством и сельским или канцелярским писарством. При таких условиях не только крайне обеднела и оскудела червонорусская интеллигенция, но и простому народу трудно стало добиваться своего права и правды в правительственных учреждениях и присутствиях.

Сверх того, прокормление – и то обильное – массы польских и мадьярских чиновников, очень часто синекуристов, и само по себе было уже тяжелым бременем для червонорусского простонародья, которое между тем за свои приношения «на алтарь» польского или мадьярского «отечества» или «государства» не получало ни беспристрастного суда, ни скорой и действительной администрации, ни равенства фискальных прав и обязанностей с прочими согражданами,

принадлежащими к народностям господствующим, привилегированным. Даже при оценке земли как основе ее обложения поверочные комиссии нередко руководились не объективными данными, а соображениями о составе местного населения, так что оценка эта оказывалась во многих случаях непропорционально высокой в червонорусских горах, а более низкой в мадьярских или польских долинах. Даже при постройке железных и других дорог интересы мадьярских и польских помещиков, особенно более крупных и влиятельных, всегда стояли выше экономических нужд червонорусского простонародья.

Но чуть ли не главной причиной прогрессивного его обеднения было крайнее усиление в дуалистической Австро-Угрии евреев, которые не замедлили приписаться в Галичине к полякам, а в Угрии к мадьярам «Моисеева вероисповедания». Этим они возвысились до роли господствующей народности и воспользовались для захвата в свои руки не только множества влиятельных мест и должностей, особенно в городском управлении, но и значительной части, кое-где даже большинства движимой и недвижимой собственности, главным образом на площади червонорусского населения. Правда, от этого захвата сильно пострадали и «привилегированные» народности Галичины и Угрии: много исторических родов польских и мадьярских вытеснено уже евреями из наследственных поместий или настолько задолжали у евреев, что скорее могут считаться еврейскими управляющими, чем самостоятельными владельцами дедовской земли. Но такие захудалые шляхтичи и немеша имеют еще шанс поправить свое состояние в государственной службе при искусном, так сказать, доении казенной коровы... К тому же польские и мадьярские евреи, записавшись в поместную знать, не прочь породниться с шляхтичами и немешами, для чего принимают лютеранство или, по крайней мере, ту своеобразную австрийскую религию, которая носит характерное название Confessionslos, т. е. не принадлежащий ни к какому вероисповеданию. Этим же путем утраченные польской и мадьярской знатью поместья могут со временем хоть отчасти вновь к ней возвратиться в качестве приданого за вельможными евреями.

Гораздо безвыходнее положение червонорусского поселянина, задолжавшего еврею и заложившего или даже продавшего ему свой участок. Он переходит тогда в положение бездомного бобыля, илота, по рукам и ногам скованного своей зависимостью от еврейского шинкаря или ростовщика, осевшего на его дедовском участке. Если причиной разорения было пьянство, то подобный крестьянин так и погибает жертвой искусственно развитого местным шинка-

рем алкоголизма; если же виной была неудачная спекуляция на занятые у еврея под громадный рост деньги, то открывалась еще возможность выплатить этот долг и, след., разделаться с евреем на американские деньги. Вот это и было для червонорусского населения одним из главных побуждений ехать на заработки в Америку. Этим путем действительно многие подкарпатские села выкупились от еврейских кредиторов и даже закупили у местных помещиков более или менее значительные участки. К сожалению, пребывание в Америке в большинстве случаев не содействовало нравственному подъему червонорусских рабочих, а, наоборот, приучало их к своего рода роскоши, отрывало от вековых преданий и привычек, расстраивало жизнь семейную, наконец, нередко отражалось вредными последствиями на здоровье крестьян. При таких же условиях принесенные рабочим из Америки 1000 или даже 2000 долларов скоро опять оказывались в кармане местного еврея, шинкаря. Нужно было отправляться в Америку вновь и вновь, пока, наконец, не стала созреть в червонорусском крестьянстве решимость навсегда остаться в Америке, вдали от родины, но зато и от эксплуататора-еврея. Аналогичные экономические условия могли вызвать в среде галицких подолян решимость спастись от поляка и еврея – за кордон, в Россию...

Во всяком случае, нынешняя борьба червонорусского крестьянина с евреем за землю, следовательно, почти за жизнь, оказывается неравной. Она должна в более или менее близком уже будущем привести к полному обезземелению коренного населения, следовательно, к его батрачеству, к новому периоду рабства, тем более тяжелого и невыносимого, что это будет илотство русского под евреем, христианина под сухим и мрачным талмудистом... Легко представить, какими страшными катастрофами гайдамацкого типа чревато будущее арийского населения, осужденного на подобное семитское иго!

Но и этим не исчерпываются еще беды червонорусского народа. Закрепостив его себе в политическом и экономическом отношениях, поляки и мадьяры как христианского, так и Моисеева вероисповедания решились занести руку и на внутреннее содержание червонорусской народности, ее религиозные и вообще культурные основы в видах постепенного перерождения людей русских в поляков или мадьяр, след., косвенным образом – в немцев.

В этих видах Галичина, а в последнее время и Буковина постепенно наводнена иезуитами и их польским подобием – змартвухванцами или воскресенцами, в самом названии которых отражается возложенная на них задача «воскресить» отчизну. И добро бы еще

эти «отбудователи ойчизны» поселились и действовали где-нибудь между поляками и католиками; нет, они избрали объектом своей деятельности именно червонорусов, предполагая перевоспитать их в католиков, а затем в поляков и таким образом вырыть гроб для целого народа, далеко превосходящего галицких поляков и по числу, и по самобытности основ духовной жизни.

При помощи правительства и с благословения папы польские иезуиты подчинили себе галицко-русских иерархов, завладели монастырями, вторглись в русские школы, особенно богословские, забрали в свои руки образование подростка русской молодежи духовного происхождения, организовали повсеместно миссии в русских приходах, наконец, устроили даже во Львове митрополитальный синод галицко-русской церкви под председательством римского прелата, в видах декретировать этой церкви культ разных иезуитских святых, григорианский календарь, целибат духовенства и сближение богослужения греко-униатского с латинским. Правда, единодушный почти протест низшего клира, особенно против целибата, остановил пока иезуитских реформаторов галицко-русской церкви на полпути, но они вовсе не отказались от своих затей и возобновят натиск при первой вероятности успеха. Иезуитами, как теперь доказано, инсценирован был в 1882 г. и памятный процесс против А. И. Добрянского и многих галичан по обвинению в государственной измене. Да и до сих пор подобные процессы возобновляются от времени до времени, хотя и в меньших размерах, в надежде забрать слабых и наложить узду на более неподатливых. Дошло до того, что целые галицко-русские приходы совращаются в латинство, хотя это прямо противоречит условиям русской унии с латинскою церковью. Когда из содержимых ныне иезуитами питомников при монастырях, гимназий, семинарий выйдет новое поколение дрессированных в польско-латинском духе священников, тогда, конечно, не только григорианский календарь и целибат, но, пожалуй, и латинская месса не встретит с их стороны отпора в галицко-русской церкви. Но что скажет тогда народ? Пойдет ли он за ренегатским клиром или отвернется от него, как славные братчики XVI-XVII вв.?

Во всяком случае, в этих польско-иезуитских посягательствах на галицко-русскую церковь скрывается не только серьезная опасность для последней, но и источник брожения в среде червонорусского населения, следовательно, одна из причин его крайнего недовольства нынешней жизнью и эмиграционного порыва то в Америку, то в Россию.

В Угрии иезуиты пока не нашли еще простора, благодаря силе кальвинизма и вообще протестантизма между мадьярами и в правя-

ших сферах. Но там червонорусскому населению предстоит другая опасность: стремление правительства омадьярить русскую церковь, заменить богослужение церковнославянское мадьярским, как это уже сделано в некоторых греко-униатских приходах за Тисой, «на ниру», как выражается народ. Замену эту можно бы оправдать господством мадьярского языка в этих частях Угорской России, следовательно, интересами духовного просвещения. Но на деле интересы эти стоят на заднем плане в соображениях мадьярского правительства; главная же его цель – пользоваться всеми средствами, следовательно, и церковью, для вытеснения всех угорских языков, особенно же ненавистного русского, в видах усиления и расширения языка мадьярского. К сожалению, угрорусское духовенство слишком уступчиво мадьярам насчет языка своей паствы. Оно не прочь не только в семьях, но и в церкви говорить по-мадьярски, пренебрегая при этом интересами простонародья, которое вовсе не понимает мадьярской речи, за исключением сел со смешанным русско-мадьярским населением.

В Буковине интересы русского населения в церквях приносятся иной раз в жертву языку румынскому, который почему-то считается там аристократичнее червонорусского. Но это не представляется нам столь вопиющей изменой народному делу, как подчинение полонизму или мадьяризму, потому что румыны принадлежат к нашей восточной церкви и образованности, след., духовная связь с ними не представляет культурного ренегатства, а наоборот, взаимную поддержку против общих недругов на Западе.

В школьных отношениях червонорусского населения также нельзя не видеть серьезного источника его огорчений и недовольства. В самом деле, в течение целого почти тысячелетия, со времен кирилло-мефодиевских, народ этот не только молился, но и учился на своем родном языке или очень близком к нему, священном органе славянской церкви. Даже в польские и австрийские времена не прерывались вполне эти давние традиции русско-славянской школы как в Литве и Украине, так и в Руси Червонной. Если же в системе среднего и высшего образования и были делаемы уступки в пользу инородческих языков, то уж никак не польского или мадьярского, а разве греческого, латинского, позже и немецкого, т. е. больших мировых языков, которым наравне с червонорусским подчинялись всегда и частные языки – польский да мадьярский. После таких вековых преданий не должно ли представляться крайне обидным и унижительным для русских жителей Галичины и Угрии подчинение в школах высших, средних, отчасти даже и низших их родного русского языка, с его безграничным простором и бесчисленным населением, совер-

шенно слабым и малораспространенным языкам польскому и мадьярскому! Не равносильно ли это предпочтение в червонорусских школах чужого польского или мадьярского языка своему русскому превращению великана в карлика, сокола в ворона, человека с обширным физическим и нравственным горизонтом в провинциала с колоколенным патриотизмом? По отношению к польскому языку еще можно, пожалуй, сказать, что он представляет хотя и не главную, но все же существенную ветвь великого славянского языка. Но что такое язык мадьярский, т. е. оторванный от своего корма и едва не заглохший в чуждой племенной среде язык финский, в сравнении с русским или любым другим славянским? Какие горизонты он открывает? Какой дает выход из узкого Потисья в широкий свет Божий? Не представляет ли он, наоборот, рабской цепи, которая приковывает говорящего только на нем к крошечной тисо-дунайской Месопотамии, представляющей весь «глобус» распространения этого пигмейского языка! Бывали, правда, языки не важные в смысле численном и территориальном, но богатые в духовном отношении, по своему внутреннему содержанию или по культурным вкладам. Но мадьярский язык и в этом не представляет ничего крупного. По строению это язык агглютинации, т. е. второго класса по морфологической классификации В. Гумбольта, след., язык недоразвившийся до флексии, которая определяет тип языка славянского, как и всех других ариоевропейских, а равно семитских, т. е. всех высших культурных языков, за исключением китайского. С какой же стати, в каких культурных целях должен теперь славянин или немец в мадьярской школе опускаться с высоты флексии на уровень агглютинации, т. е. переходить от высшего типа языка к низшему, от своего арийства к финнизму, чтобы этим способом приобщиться к мадьярской народности и культуре? Да и какая же это культура? Помесь греко-славянской с латинско-немецкой, лишенная всякого оригинального содержания, следовательно, представляющая только мост от Востока к Западу, мост, по которому немцы совершают теперь свой *Drang nach Osten!*

Сознавая, что русская народность сама по себе, в своем этнографическом составе и историческом развитии бесконечно сильнее и польской, и мадьярской, особенно пока червонорусы держатся своих племенных чувств, связей и преданий, роднящих их с громадным русским миром на востоке, за кордоном, австро-польская и мадьярская политика поставили себе задачей разорвать эти связи, ослабить эти желания, отбить у червонорусов историческую их память и таким образом превратить их в ветвь, оторванную от своего родного ствола и засыхающую в невольной беспочвенности. Вот

цель преследования поляками и мадьярами так называемого на их языке панславизма или панрусизма, москвофильства; вот смысл искусственного развития в среде червонорусов племенного и культурного сепаратизма; вот, между прочим, объяснение политических успехов в последнее время в Галичине гг. Романчука и Барвинского, Савчака и Огоновского, вообще червонорусских сепаратистов, провозгласивших в сейме догмат племенной и культурной отделенности червонорусов от Руси закордонной, особенно же Великой.

В этом стремлении поляков подрезывать под червонорусами все их вековые исторические корни и таким образом ослаблять устойчивость в борьбе с полонизмом следует видеть объяснение и затеянной недавно в Галичине и Буковине реформы исторического червонорусского правописания, с заменой его так называемым фонетическим, в сущности же, совершенно произвольной смесью знаков то словопроизведенного, то звукового значения, которое может внести лишь смуту в сознание учащихся и во всяком случае ослабить связи русской школы с церковью, письменности светской с духовной.

Но если это так, если червонорусы низведены в нынешнюю дуалистическую эру к положению народно-политических париев, осужденных на вечное рабство привилегированным народностям; если они постепенно оттеснены от представительных учреждений, государственных и земских должностей и учреждений; если они все более и более подавляются и в экономической области вымогательствами государства, привилегиями знати и эксплуатацией евреев; если и в лоне своей народной церкви они не находят приюта, покоя и терпимости, а, наоборот, подвергаются гнету раболопной иерархии и разных пришлых орденов, особенно же исконных врагов всего русского – иезуитов; если школа считается в применении к червонорусам не средством умственного и нравственного развития, а скорее народного ренегатства, искусственного и насильственного перерождения в поляков да мадьяр; если правительство и верховодящая знать ежедневно вмешиваются и в червонорусскую науку, и в литературу, и даже в вопросы языка и правописания; если червонорусы своими глазами видят в руках своего правительства нож, занесенный над их головой, угрожающий всему их духовному достоянию, их преданиям, святыням, самому их имени, – то кто же станет удивляться, что поставленный в такое положение народ станет, наконец, разбегаться во все стороны света, чтобы спасти свою церковь, свой язык, свое народное существование!

И если в соблазнительной близости нескольких десятков километров находится страна, где живет родственное червонорусу на-

селение, где свободно развивается русская церковь, русский язык, русская государственность и народность, то как устоять ему от соблазна перейти через эту границу, перенести туда свой семейный очаг, свой труд и свои надежды на лучшее будущее?..

Все это так естественно, так законно, почти неизбежно, что следует дивиться не тому, что их перешло 3000 за раз, а, скорее, тому, что их не 3 миллиона!..

В самом деле, если обрисованное в этой заметке положение червонорусских населений в Галичине, Буковине и Угрии не изменится к лучшему, то никакие кордоны, никакие запретительные меры с австрийской и нашей стороны не остановят возрастающего потока червонорусской эмиграции как в Америку, так и в Россию. Так приблизительно смотрят на эту эмиграцию и беспристрастные поляки. В доказательство приведу выдержку из статьи: «О причинах отмены императорского приезда» в «Львовском курьере» (Kurjer Lwowski, 1 września 1892): «Эмиграция русского простонародья в Россию не должна считаться явлением столь маловажным и пустым, как думает большая часть наших официозов. Наоборот, это факт грозный, с точки зрения и общественной и политической. Это не выражение лишь недоверия к областному управлению, но просто акт политического отчаяния, который сильно компрометирует перед заграницей хваленое довольство австрийских народов. Подданные могут выражать свое крайнее недовольство государственными порядками только в двоякой форме: либо вооруженным восстанием, либо исполненной гнева и отчаяния массовой эмиграцией из страны. Народы горячие и порывистые предпочитают первый способ; наш же смирный, но упрямый и глубоко чувствующий обиды русский крестьянин эмигрирует из края, где ни в ком не находит поддержки, где ему сочиняют искусственных представителей его воли и желаний, ставят потемкинские фигуры, называя их классическими, полнокровными русинами примирительной эры. Русский крестьянин с тихим проклятием на устах покидает государство, которого представитель, отуманенный лестью пропинаротов и карьеровичей, эмфатически повторяет за Вильгельмом II цинические слова: «Пусть себе уходят прочь недовольные и мятежные элементы»; других средств против гнетущей нужды он не находит! Трудно найти параллель для той флегмы, с которой гр. Бадени смотрел целые месяцы на русскую эмиграцию: он ограничивался сначала циническим вопросом, а потом, когда выселение приняло грозные размеры, расположил кордон с манлихеровками и распустил сказку о каких-то москалефильских агитациях... Понятно, что император устранился от жалкой пародии представления якобы умиротворенных русинов, опасаясь

услышать за ширмами этого дипломатического фиглярства окрики эмигрантов, уходящих их страны, где нет ни хлеба, ни законной обороны»...

Кажется, центральное правительство Цислейтании так и взглянуло на этот «исход» галичан. Носятся слухи, что император Франц Иосиф выразил желание, чтобы устранены были причины, вызвавшие столь опасное движение между «тирольцами Востока». Вряд ли, однако, ему известно, как глубоко коренятся эти причины в нынешнем государственном строе Австро-Угрии, в существовании народов государственных и негосударственных, привилегированных и поработенных, между которыми червонорусский занимает самое низкое место - ниже словаков, сербов, румынов, цыган, не говоря уже про хорватов и чехоморавян.

Не на нашей ли дипломатии лежит обязанность в самой дружественной форме разъяснить австрийскому императору опасность такого положения как для внутреннего мира его государства, так и для внешнего, особенно ввиду того, что народное брожение в Галичине неизбежно отражается в настроении и чувствах населения соседних областей России? К тому же эмиграция, подобная нынешней, ставит и наше правительство и общество в довольно затруднительное положение, вынуждая нас или оттолкнуть назад этих несчастных беглецов, что было бы крайне бесчеловечно и не по-братски, либо озаботиться их размещением в России, что в свою очередь не может не усложнить задач нашей собственной колонизационной политики. В дипломатической истории Австро-Угрии можно найти примеры подобного рода дружественных дипломатических представлений то в Турции, то в Сербии, Черногории, Румынии при аналогичных событиях, ставивших в затруднительное положение смежные с этими государствами области империи. Ведь этим, собственно, мотивировано было и занятие австро-угорскими войсками, а затем и администраторами турецких областей Боснии и Герцеговины, где аграрные движения, подобные галицким, вызывали эмиграцию в Далматию, Хорватию, Славонию и ставили администрацию этих областей в затруднения, подобные нашим нынешним на Волыни и Подолии...

Повторяем, червонорусская эмиграция вызвана серьезными внутренними причинами и не прекратится дотоле, пока они не будут устранены. Указать на это обстоятельство составляет не только право, но и долг нашей венской дипломатии.

СПб., 21 сентября 1892.

Источник: Будилович А.С. Червонорусская эмиграция // Славянское обозрение. Историко-литературный и политический журнала. 1892. Т. 31. Сентябрь. С. 15-34.

Source: *Budilovich A.S.* The Red Russian Emigration. Slavic Review. Sept. 1892. Vol. 31. pp. 15-34.

Будилович Антон Семенович (1846-1908) - русский филолог, славист, публицист, редактор, общественно-политический деятель, популяризатор славянофильских идей, профессор историко-филологического института кн. Безбородко в Нежине (1875-1881), профессор Варшавского (1881-1892) и профессор и ректор Дерптского (1892-1901) университетов, член-корреспондент Санкт-Петербургской академии наук, почетный член Санкт-Петербургской духовной академии, тайный советник. Секретарь, товарищ председателя Санкт-Петербургского отдела Славянского благотворительного комитета, основатель и председатель Галицко-русского общества.

Budilovich Anton Semenovich (1846-1908) - Russian Philologist, Slavist, Publisher, Editor, Social-Political figure, Promoter of Slavophile ideas, Professor of the Historic-Philologic Institute in honor of Prince Bezborodko in Nezhin (1875-1881), Professor of the Warsaw University (1881-1892), Professor and Rector of Derpt University (1892-1901), Member Correspondent of the St. Petersburg Academy of Science, Honored member of the St. Petersburg Theological Academy, Secret Advisor. He was also Secretary, Colleague of the President of the St. Petersburg Branch of the Slavic Benevolent Committee, Founder and President of the Galician-Russian Society.